

Соня Дивицкая

18+ ЖЕНСКИЕ ТРАГЕДИИ

НИ ЛЮБВИ,
НИ ДЕНЕГ

Со́ня Диви́цкая

**Ни любви, ни денег.
Женские трагедии**

«Издательские решения»

Дивицкая С.

Ни любви, ни денег. Женские трагедии / С. Дивицкая —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696381-8

Семь историй про любовь и денежки. Две вещи есть на свете, от которых вряд ли откажется обычная женщина: конечно же, любовь, и конечно же, достаток, но... не все так просто в нашей жизни, и часто получается, что мы теряем любовь в погоне за успехом. Юмор и самоирония — вот уж чего достаточно в этой веселой и очень полезной книжке с оригинальными жизненными историями от журналиста и писательницы Сони Дивицкой.

ISBN 978-5-00-696381-8

© Дивицкая С.
© Издательские решения

Содержание

Соня Дивицкая	6
От автора	7
Железная леди	9
Гастроном для одиноких сердец	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ни любви, ни денег Женские трагедии

Соня Дивицкая

© Соня Дивицкая, 2026

ISBN 978-5-0069-6381-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Соня Дивицкая

Ни любви, ни денег

Семь историй о большой любви и маленьком женском банкротстве

От автора

«Вот дал бы мне какой-нибудь богатенький Буратино денег, тогда бы я открыла бизнес!» – так рассуждают многие красотки. И здесь я не могу не вставить свое злое: «Ха-ха!» Красавицы! Представьте... Ваша мечта сбылась, вам дали денег. И что из этого выйдет? Это надо еще посмотреть, как вы умеете обращаться с деньжонками и с мужичками.

В России небогатый опыт свободного частного бизнеса. А мелкий бизнес вообще как велосипед приходится изобретать с нуля, у нас на малый бизнес приходится примерно двадцать процентов экономики, а в той же самой Германии аж девяносто с лишним. Нет опыта, поэтому у нас считают, что без блата, а именно без мужской поддержки, женщина ничего не сможет. Мне надоел этот циничный пессимизм! Специально для девчонок, которые хотят разбогатеть и ждут, когда им кто-нибудь поможет, я написала эту книжку.

Я нашла аж целых семь историй самого типичного женского банкротства. Все мои героини устроили себе неплохой бизнес, но счастья это им не принесло. Хочу заметить, что меня интересует не абы какое женское предпринимательство, а именно когда стартовые деньги были получены от мужчины. Вы же мне говорили, что хорошо раскрутились только те, у кого муж богатый, вот потому я и нашла именно таких гражданок, которым деньги перепали от мужа, от любовника, от инвестора... А они все равно... хе-хе-хе... Все профукали!

Я взяла для примера истории разных бизнесов, суммы фигурируют тоже разные – от пятисот тысяч рублей до сотен миллионов долларов. Это, как я уже говорила, неважно. И кто именно давал моим героиням деньги роли не играет. Кстати, чаще всего деньги на бизнес дают все-таки мужья, но многие жены все равно банкротятся в кротчайший срок.

Почему... Не знаю, я не аудитор. Хочу напомнить только одну вещь. Напомнить только, вы все и без меня прекрасно знаете, что одних только денег для счастья недостаточно. И для бизнеса тоже. Сейчас, как вы верно поняли, я намекаю на любовь. Мне хочется поговорить об этой связи любви и денег. Любовь нужна, и в бизнесе тоже без любви никуда.

Зайдите в любой семейный ресторанчик, в любой частный магазин, пусть не большой, но успешный, приятный, со стилем, со своей атмосферой... Да там полно любви! Я знавала одну такую любвеобильную хозяйку, она обожала свой магазин, у нее был магазин мужской одежды. Она продавала только премиум-линию, только известных брендов, костюмы, рубашки, галстуки – гардероб для директора. И эта хозяйка очень любила свой бизнес и своих клиентов. Ее возбуждали невероятно ремни, запонки, булавки для галстуков, стрелочки на брюках, безупречный покрой пиджака, и когда этот пиджак удачно сиделся на плечо клиента, она просто в экстазе начинала ему аплодировать. Искренне! А сама такая вся была эффектная женщина, немножко волшебница. Шикарные черные кудри, красная помада, восточные стрелки у глаз, голос с хрипотцой и плавная манера говорить – все это мужчин завораживало. Они просто таяли, когда такая Шахерезада помогала им примерить костюм. У нее одевались все директора города. Они были уверены, что в ее одежде будут выглядеть безупречно. Доверяли ей до такой степени, что иногда, когда спешили, даже не приезжали в магазин на примерку, а присылали к ней своих водителей, и она всегда подбирала то, что нужно, она своих клиентов помнила прекрасно, у нее были записаны все их размеры.

И вдруг в один прекрасный день эта лавочка закрылась. В чем дело? Оказывается, хозяйке срочно потребовалось уехать из города по делам семейным примерно на год-полтора. Она оставила в своем магазине маленькую страшненькую девочку на уровне подай-принеси. Эта продавщица сразу же упустила всех лучших клиентов, они, разочарованные, разошлись по другим магазинам. Почему? Почему опытная хозяйка так поступила? Уж она знала прекрасно, что такое хороший продавец. Все просто, тут сыграла роль простая женская ревность. Все клиенты Шахерезады были ее поклонниками, с некоторыми она даже крутила романы.

Женщина элементарным образом не захотела оставлять на своем месте задорную молодуху, которая будет хорошо продавать, а заодно и влюбит в себя всех мужчин. Фактически она пошла на добровольное банкротство, сделала экономическое хакири из-за своего маленького тщеславия. Так что в этой игре под названием «женский бизнес» отнюдь не все решают деньги, как может показаться на первый взгляд.

Да... И не подумайте, пожалуйста, что я затеяла эту книжку, чтобы позлорадствовать, чтобы кому-то сказать: «А что ты думала, дали тебе денег и все, дело в шляпе?» Нет, мы злорадствовать не будем. Мы будем экономить. У нас особая задача – мы хотим поучиться на чужих ошибках. Представляю, что скажут потом некоторые придирчивые читательницы. «Жадная Соня Дивицкая превращает чужие убытки в свою прибыль!» Да, я пытаюсь. Говорят, что на чужих ошибках учиться бесполезно, но с этим я не соглашусь. Вся эволюция построена на том, что люди учатся как раз на чужих ошибках. Какая-то гражданка зашла в пещеру первой, ее там разорвали дикие звери, остальные призадумались, на ее ошибочке научились не шнырять в темные незнакомые пещеры. Кто-то первым сожрал ядовитую ягоду, остальные посмотрели на предсмертные корчи, сообразили и воздержались от опасных ягод. Так что и я вас приглашаю познакомиться с моими бизнесменшами.

Сейчас мы вместе бесцеремонно покопаемся в чужой бухгалтерии и в чужих переживаниях. Скучно не будет! Ведь у женщин нет четкой границы, где бизнес, где жизнь, где любовь. Все переплетено у нас, как говорится, и очень часто так бывает: только деньги закончились – тут и любовь сразу куда-то пропала. В любом случае как честный автор я предупреждаю: хеппи-эндов не будет, все героини этой книжки обанкротились.

Железная леди

Для женщины с деньгами возраст – понятие условное, оно отодвигается умело руками косметологов, врачей и массажистов. Возраст они отодвинуть умеют, но время останавливать еще пока никто не научился.

—
Она прекрасно слышала, как этот турок обложил ее матом. Он не орал, конечно, но перегородки в туалете были тонкие. Господин Ахмет, давний клиент, приятный мужчина, начал шипеть, как змея: «Фай-ш-ш-е-е! Файше!» По-турецки это значит «проститутка». «Откуда взялась на мою голову эта старая проститутка?!» – так ругался Ахмет. Безусловно, он не желал бы ни в коем случае, чтобы женщина его услышала, к тому же он был уверен, что «эта русская» не понимает его турецкие проклятья.

Наталья поняла, за многие годы работы с турками она кое-что выучила. «Пусть орет, – подумала. – Надоел уже, я от него устала». Она поправила немного смявшийся пиджак, выкинула в корзину бумажное полотенце и вышла в фойе совершенно спокойной. Ей, действительно, было на все наплевать. Почти на все.

Случалось и раньше, что серьезные мужчины называли ее проституткой, никто не мог поверить, что свои миллионы она зарабатывала головой, своим собственным умом, без мужской указки. Так что на этого маленького проворного турка она не обиделась, ей была понятна мужская досада: Ахмет не привык, когда условия диктует женщина. Да что там турок... И в России еще не привыкли, что женщина может быть полноценным деловым партнером, русский бизнес, как и турецкий, находится в руках мужчин, и, если вдруг мелькнет в директорах женское имя, все понимают, что где-то там за буферами скрывается мужик, который рулит, платит и поддерживает.

У Натальи Власовой никакого мужика за спиной не было. У нее вообще не было мужчин, уже двадцать лет она жила одна, в разводе, и все эти двадцать лет были отданы делу. «Глобал Металл» называлась ее фирма, она создала ее из праха, можно так и сказать. А именно на руинах старого советского завода, который выпускал металлические трубы для промышленности. Отгружали вагонами по всему СССР, а потом коммунисты обанкротились. Развалилась страна, и трубный завод тоже рухнул. На этой могилке Наталья и открыла свою фирму.

«Почему Глобал»? – спросили ее тогда, в девяносто втором году, серьезные люди. «Потому что я буду торговать по всему миру», – ответила Наталья, а у самой тогда не оставалось на маршрутку, и на другой конец города, домой, она тащилась на трамвае.

Ей дали денег на развитие, скажу вам сразу. Вы не поверите, но деньги она получила просто так, точнее по заслугам. Человек и специалист она была серьезный, никого не обманывала и была совсем не склонна к глупым женским фантазиям. Ей поверили, потому что времена были дерзкие, иногда сбывались самые идиотские мечты. К тому же никто из серьезных мужчин так уверенно, как эта серенькая мышь, рисковать не решился.

Так что Ахмет наш дорогой был у нее далеко не первым и не последним клиентом, таких, как он, у нее по всей Европе полно. Но, разумеется, господин Ахмет считает себя единственным и неповторимым. Он уверен, что его литейные печки – это вершина творения и что все вокруг перемерут без его печей. Господин Ахмет не сомневается, что все, все, все поставщики должны входить в его положение. Он пусть не платит, а они пусть ему отгружают и отгружают. А как же! Турция переживает кризис, сбыт в Россию жутко сократился, из-за санкций господин Ахмет вынужден делать крюк через Африку, чтобы продать в Новосибирск или в Саратов своих железных монстров с клеймом ЮАР. И только эта маленькая хитренькая стерва как будто все заранее предвидела, зарегистрировала свой «Глобал» в Китае и теперь спокойно

посиживает в своем Воронеже, а документы выдает с Пекинским адресом! И складов у нее – черт знает сколько, в Европе! У этой колхозницы по всей Европе свои склады.

– Вы совершенно правы, господин Ахмет, – отвечала Наталья на переговорах. – Я знаю, у вас уникальное производство, я это понимаю. Мне интересно, как вы работаете, ваши перспективы мы оценили давно, еще тогда, вы помните... десять лет назад, когда я в первый раз к вам приезжала? Вы помните, как мы познакомились? И я вам сразу же пошла навстречу. Годовая отсрочка для нас не проблема, с удовольствием... У меня всего одно условие...

Ахмета снова передернуло. Он старательно держал маску, должно быть, еще в самолете нацепил улыбочку, фонарики в глазах зажег и так держался все переговоры, но как только речь дошла до «ее условия», его передернуло. Это заметила не только Наталья, но и еще одна женщина, русская блондинка, которая приехала с капризным турком.

– Анжела! – она представилась. – Я его помощница, я его любимая женщина, я его головная боль, и переводчик тоже я! Обращайтесь ко мне по всем вопросам.

Когда Ахмет нахмурился, Анжела положила руку ему на плечо и очень вовремя попросила кофе.

– Дорогой, извини... – она его погладила и улыбнулась. – Теряю концентрацию. Срочно нужен кофе.

Анжела кивнула секретарю, все за эти пару секунд успели немножко выдохнуть. Анжела снова обратилась к Наталье:

– Простите, я вас перебила... С утра работаем, а скоро уже обед. Это, знаете ли, не шутки! Для вас и для Ахмета – это нормальный рабочий режим, а я вот с вами, с бизнесменами, не годна соревноваться. Для обычной женщины – это каторга! Спинка уже болит, все ноет... Не представляю, как вы свой график выдерживаете!

Переговоры в офисе у Натальи начались с восьми утра. Ахмет специально прилетел из беззаботной Анталии, где они с Анжелой уплыли на яхточке так далеко, что чуть не опоздали на самолет. И все же он успел, он прилетел, чтобы отторговать свою скидку, отсрочку, обсудить параметры заказа, график поставок... И каждый вопрос они обговаривали так тщательно, как будто за столом сидели не турок и русская, а два старых дотошных еврея. Анжела, которая все это переводила, действительно была утомлена.

– Простите, на чем мы остановились? – она вернулась к договору.

– Условия оплаты... – напомнила Наталья.

– Да, да... У вас всего одно условие... – Анжела улыбнулась Ахмету, как мамочка капризному сыночку. – Ахмет, дорогой, ты смотри, как чудесно!.. У них всего одно условие!

– Всего одно условие! – усмехнулся турок.

Ахмет понимал, о чем Наталья его просит. Он должен подписать гарантийное письмо для банка. Наталья поставляет ему бесплатный металл целый год, первая партия на два миллиона евро должна прийти к нему прямо сейчас. Один миллион он уже ей должен, а платить начнет только через год. И за эту отсрочку он должен оставить в залог свою фабрику. Только и всего. Вот что для этой женщины простая формальность.

Глаза его потемнели, пропал его фирменный сладкий и немного рассеянный взгляд, усилие воли, с которым он подавил свой гнев, проступило на лице приподнятыми бровями. Обычно, когда он гневался, его лоб пересекала глубокая кривая морщина, похожая на молнию, морщина гнева. Но недавно Ахмет наколот себе ботокс, и теперь его лоб оставался ровным, только брови меняли положение, отчего он выглядел слегка мультяшным персонажем.

Ахмет нервничал, хотя ничего особенного от него не просили. Гарантийное соглашение – и правда, формальность, это всего лишь бумажка. Таких бумажек у Натальи полно, стандартная процедура, которую используют поставщики, когда работают с отсрочкой и по-крупному. Все подписывают, все ставят в залог свое производство, но все и расплачиваются, бизнес еще никто из ее клиентов не терял. С чего вдруг господин Ахмет все принимает так близко к сердцу? Да,

он серьезный человек, ему неприятна мысль, даже мысль, что он может потерять свою фабрику. И все же дело не в этом. Риск есть всегда, в любом бизнесе есть риск, турок умеет рисковать и деньги терять он тоже умеет. Его бесит другое. Наталья тут главная, он должен согласиться на ее условие, а не наоборот. Мужчины раздражаются, если им приходится уступать. А этот турок, самоуверенный и напористый, давно ей уступил, и теперь просто тянет резину, никак не может признать, что главная за этим столом – она.

– Я ваш старый клиент... – начинает он повторять. – Вы же знаете мои обороты...

– Да, знаю. Поэтому я совершенно спокойно тот миллион евро, что вы уже мне должны, просто перебрасываю на следующий год, и все. Думаю, вас это устроит, господин Ахмет.

Она не спрашивала «вас устроит?», Наталья утверждала – «вас устроит». Она решала за него! Ахмет сдерживал дыхание, но его смешок, неожиданный и резкий, снова выдал раздражение.

Что не так она сказала? Все было верно: должен миллион, она подождет, сиди и радуйся. Но он не радовался, его нервировала ее манера говорить, она разговаривала спокойно и уверенно, как мужчина, она вела переговоры, диктовала свои условия, ей было совершенно плевать, как он при этом выглядит. «Думаю, вас устроит» задело Ахмета. «Не надо думать за меня! – кричал он в туалете. – Не надо мне подсказывать как лучше! Я сам все знаю!»

– Давайте отдохнем! – запрыгала блондинка. – Я такая голодная! Дорогой, ты проголодался? И ты проголодался, бедный...

Она снова обратилась к Наталье с интимной улыбкой, как женщина к женщине:

– Я вас умоляю, давайте покушаем, если у вас есть время, а после обеда он будет добрый, добрый...

Наталья поднялась, захлопнула все документы.

– Да, да, конечно. Мы обычно обедаем в ресторане. Это рядом, через дорогу.

Блондинка встала и заботливо обняла своего турка за плечи:

– Поднимайся, дорогой, госпожа приглашает нас на обед!

Все вместе они направились к лифту, и там все двенадцать этажей Ахмет беззвучно скрежетал зубами. Ресторан был действительно через дорогу, там он зашел в туалет, и в туалете его прорвало: «Файше! Файше!»

Он вышел с мокрым лицом, блондинка на ходу поправляла на нем пиджак. У дверей он увидел Наталью. Она была непроницаема. Для нее это был всего лишь рабочий момент. Она давно себя приучила не отвлекаться на чужие эмоции. Чужие нервяки она рассматривала как стрельбу на съемочной площадке из игрушечного пистолета. Когда умеешь на такие пустяки не обращать внимания, тогда ни одна пулька в тебя не долетает.

—

Наташина фирма «Глобал Металл» обслуживала тяжелую промышленность, заводы и фабрики покупали у нее металлические трубы. Железная труба – не самая интересная для женщины вещь, но так только кажется на первый взгляд. Металлические трубы покупают самые серьезные мужчины, и все они очень сильно удивлялись, когда познакомились с поставщиком, то есть с Натальей. Русские, турки, чехи, поляки, венгры, индусы, африканцы и прочие – все делали одинаковые круглые глаза, когда она представлялась: «Я – директор».

На месте директора женщина как таковая никого не удивляла. К примеру, какого-нибудь бульдога с квадратной челюстью или ядовитую стерву, или снежную королеву в такой роли еще бы приняли, но эту маленькую серенькую мышшь идентифицировать с занимаемой должностью отказывались. Наталья была совсем не похожа на железную леди, она была простушкой. Блондинка, крашенная кое-как, не очень хорошо причесанная, макияж слишком яркий, губы вечно размазаны, как будто в крови, и платье пестрое, простое, как халат... Прикроется пиджачком, понеслась по кабинетам. Она была мелкой, маленькой, всегда пыталась вытянуть

себя высоким каблуком и говорила снизу вверх, немного задирая нос. Все это ее совершенно не беспокоило, ее интересовало только железо, а точнее, железные трубы, и очень скоро в кругу производителей – а он не так уж и широк – ее узнали все. И если бы Ахмет вздумал порвать договор с ее фирмой, не так-то просто было бы ему найти в кротчайшие сроки такого же надежного поставщика.

Когда она переходила дорогу к ресторану, подол ее юбки смешно мотылялся, а маленькая пятка свисала с высокого каблука. Наталья привела Ахмета в «Бархат», известное в городе место для деловых людей, вокруг было много офисов, администрация города, банки и все крутышки приходили есть сюда. Она усадила их за свой постоянный стол, попутно здороваясь с какими-то мужчинами в костюмах, те отвечали ей спокойно, как коллеги в общей столовой, которые часто видят друг друга и в особенном приветствии не нуждаются. В этом ресторане, в мире деловых людей, Наталья была своя.

– Ой, как тут хорошо! – обрадовалась Анжела, заглядывая в ресторанный зал.

Она нетерпеливо покачивалась на каблуках, пока маленький турок помогал ей раздеться.

– Какой красивый вид! – восхищалась Анжела. – Как вам приятно тут обедать! Я обожаю панорамные окна! Вы знаете, у Ахмета из кабинета тоже очень красивый пейзаж, чисто турецкий, у него там горы. Высоченные-е-е-е... А тут все такое русское... Все наше! Спасибо, что вы нам показали этот ресторан!

За окном был вид на громадный белый собор, он стоял на возвышении, на просторе, на фоне огромного грустного неба. Наталья давно перестала обращать на него внимание, но глаза фиксировали, собор на месте, и это ее успокаивало. Там постоянно венчались и крестили детей, из собора выходили невесты в пышных платьях, на ветру, на морозе, в жару, все в тех же белых платьях, женихи подхватывали их на руки, фотографии снимали, дорогие машины празднично сверкали, и эта неизменная сценка отвлекала Наталью на минуту от ее постоянной работы. Поэтому она всегда садилась у окна и всегда на диван, чтобы вытянуть ноги, и обязательно под спину ставила подушки. Офисное кресло ее утомляло, спина у нее болела постоянно, она привыкла к этой мелкой ноющей боли, которая только в последний год заметно усилилась, так что теперь ей приходилось каждый день пить обезболивающие.

Миллионерша, но при этом она была рабочей лошадью, не знала отдыха и не умела его себе устроить. Помощников у нее было не так уж и много, всего трое, кажется, или четверо. Юристка, бухгалтер, коммерческий директор и еще инженер по техническим вопросам. Три женщины, один мужчина, у них у всех были семьи, личная жизнь, и только у нее ничего не было, кроме фирмы.

Работа не прекращалась, все двадцать лет мозг крутил операции, подсчитывал, напоминал... Ей приходилось часто слышать, что так нельзя, что нужно переключаться, нельзя все время жить цифрами, нужно потреблять и другую информацию. Сходить на выставку, к примеру, или в театр, на концерт. Она ходила и выключала, как положено, телефон, но голова продолжала работать, и даже столичные артисты и роскошная оперная дива ее не возбуждали, она ничего не понимала в музыке. Ей регулярно предлагали купить что-нибудь из картин, она отказывалась и честно признавалась, что в живописи не разбирается и вообще не понимает, что красиво, а что нет. Ей сразу верили, глядя на ее макияж и пестрые платья. «Ты не чувствуешь красоту, ты никогда этому не научишься», – так сказал ее бывший муж, она и не спорила. «Хорошо, я обойдусь без театра, без картин, без оперы тем более... Все равно я в театре сплю». Любви, мужчин в ее жизни тоже не было. Единственная дочка давно выросла. Так и получилось, что двадцать лет она думала только о железных трубах.

Точно так же Ахмет двадцать лет думал только о плавильных печках, он сам их придумал и, как Наталья, тоже слепил свою фабрику из праха, из праха конкурентов. Она должна понять, он был уверен, что ему неприятно подписывать закладную на дело всей своей жизни, ему неприятно думать даже о самых минимальных рисках...

– Она должна понять! Она должна понять! – шептал он своей любимой блондинке, и та переводила.

– Ахмет извиняется, что задерживает вас, что заставляет столько времени тратить на его договор, – она опять интимно улыбнулась Наталье. – Поймите его, пожалуйста... Он у нас настоящий фанатик. Он живет только фабрикой. Как робот!

– Я понимаю, – кивнула Наталья. – Но гарантийное письмо – это стандартная банковская процедура, мы обязаны ее соблюдать. Что касается рисков... Риск есть всегда, такова жизнь.

– Да, да, да! – подхватила Анжела. – Такова жизнь, такова жизнь... Вот взять хотя бы самолет...

Ах, как не вовремя она напонила про самолет! Из-за этого самолета Ахмету плевали в тарелку в русских ресторанах, хотя он не имел никакого отношения к этому русскому самолету, который в Сирии сбили турки. Он сам жалел того русского летчика, который хотя и успел катапультироваться, но все равно погиб. Ахмет был против любой войны, он хотел спокойно делать свой бизнес и жить в современном мире среди красивых женщин.

– Анжела, дорогая, – он попросил, коснувшись ее руки, – не упоминай, пожалуйста, тот самолет, не надо о политике.

– Нет, дорогой! Я не про этот самолет, я про тот самолет, на котором мы с тобой сюда из Анталии летели! Наш самолет пролетал через грозовые облака, и представляете?.. Нам молния ударила в крыло! Мы у крыла как раз сидели, и честно вам скажу – мало не показалось. А потом выхожу у нас в аэропорту – и все мои проблемы уже такая ерунда-а-а-а... Да, дорогой? Когда получаешь такой страшный удар, сначала пугаешься, а потом... освежает.

Наталья кивнула, она прекрасно понимала, о чем речь. Совсем недавно она тоже получила страшный удар, но пока еще ее не освежило, пока еще она находилась в стадии испуга и поэтому была равнодушна к делам своей фирмы и проблемам этого настырного маленького турка. В это утро она тоже работала как робот, автоматически соблюдая свои правила, в душе ей было на все наплевать.

Подошел официант. Наталья заказала солянку, она любила на обед горячий суп со стопкой водки. Все это знали, официант подсказывал:

– Солянка сегодня отличная, вместо водки рекомендую чачу, хозяин настоящую привез...

– И мне! И мне соляночки! – обрадовалась Анжела. – Со свининкой! С копченостями она у вас? А ему нельзя, ему нельзя свинину. Баранины нет у вас? Жалко... Тогда ему что-нибудь с курицей. Принесите ему цезаря.

Она ловко повязала Ахмету салфетку и усмехнулась:

– Вечно капает на пузо...

Анжела следила за своим турком, как родная мать. Когда ему принесли большую тарелку с салатом, она внимательно посмотрела на блюдо и очень вовремя заметила среди зеленых листьев, орешков и сухариков, посыпанных сверху, среди этой мешанины ее опытный глаз разглядел кусочки бекона, порезанные тонкими лепестками. Как оказалась свинина в тарелке с «Цезарем» да еще у турка? Об этом ей думать было некогда. Анжела стрельнула глазами по сторонам и попросила с улыбкой ничего не понимающую Наталью:

– Отвлеките его, пожалуйста.

Наталья подняла свою чачу и потянулась к бокалу Ахмета. Он приподнял вино и с улыбкой, натянутой, как будто бы для фотографии, кивнул ей в ответ, но как только он собрался опустить свой длинный нос в тарелку, Анжела показала ему в сторону, куда-то в зал, на компанию молодых девушек.

– Во! – подмигнула она, и Ахмет уставился с наивным детским любопытством на этих блондинок, как на игрушки в витрине магазина.

Пока он пялился, Анжела легкими виртуозными движениями своих длинных тонких пальчиков вытащила из салата весь бекон и тут же его проглотила.

– Вам бы в разведку, – пошутила Наталья. – Шифровки глотать.

– Ой, это с нами уже не первый раз... – вздохнула Анжела. – Мне его проще отвлечь, чем потом успокаивать.

– Кстати, я никогда не слышала, чтобы в «Цезарь» добавляли бекон... – заметила Наталья. – Это чья-то оплошность. Я могу уточнить у официантов...

Наталья обернулась к метру, хотела его позвать, но Анжела ее остановила.

– Не нужно, ничего не спрашивайте, пожалуйста. Если Ахмет узнает, у него испортится настроение, а зачем нам это нужно? Ну, мало ли по каким причинам они положили в его салат бекон? Нам этого лучше не замечать. Мало ли что у них там случилось? Поменяли рецептуру! Экстренно!

Она кивнула официанту, показала пальчиком на свой бокал и с беззаботной улыбкой толкнула своего турка в плечо, приглашая полюбоваться чудесным видом на старинный собор.

Наталья была восхищена. Ее привлекал любой профессионализм, в любой области, пусть хоть в обращении с мужчинами. Тут она была совершенная дилетантка, она не умела быть такой, как эта Анжела, легкой, небрежной, но вместе с тем заботливой и внимательной. У Натальи с мужчинами были сложные отношения.

«Ты не умеешь радоваться жизни, ты серая зануда, ты всю жизнь просидишь в бухгалтерии, рядом с тобой можно повеситься! – так говорил ей муж перед разводом. – Тебя из дома не вытянешь, ты постоянно моешь пол, ты постоянно что-то моешь, я ненавижу твой пылесос, у меня голова болит от твоего пылесоса. Я столько раз тебя звал... Поехали туда, поехали сюда... В Японию! Какие цены были на Японию! Ты не поехала, тебе на дачу надо к маме! Зачем тебе Япония? Бухгалтерия, кухня и пылесос! Ты хоть бы туфли надела!.. Хоть бы раз для меня ты могла надеть туфли?»

Когда Наталью спрашивали, почему от нее ушел муж, она говорила – у него болит голова от моего пылесоса. Все смеялись, хотя история была грустная.

—

Они работали вместе на своем трубном заводе до девяносто первого года. А в девяносто первом, после развала союза, стало понятно, что и завод долго не протянет. Все главные специалисты разбежались по коммерческим фирмам, и муж Натальи тоже ушел на новую работу. Только ее никто никуда не приглашал, она так и сидела на мертвом заводе в бухгалтерии.

– Оставайся! – кричал на нее муж. – Наслаждайся своей нищетой! И этой халупой, за которую ты так держишься!

Наталья никогда не считала их маленькую квартирку халупой, она была уверена, что это страшно уютный уголок, особенно кухня. На кухне у Натальи были деревянные полки, занавески в красную клетку, старые чугунные утюги и тульский самовар, еще от мамы. Для нее это был вовсе не старый хлам, а верх дизайна, она с удовольствием протирала там пыль, уборка ее успокаивала.

Муж удачно устроился в банк и вскоре женился, его новая жена была гораздо интереснее, чем Наталья. Подробностей не хочется, сейчас не до того, просто скажу, что когда Наталья ее увидела, то сразу поняла – тягаться бесполезно.

Она отпустила мужа, развод переживала тяжело, но молча, никто не слышал о ее переживаниях. И когда дочь заявила, что тоже уходит с отцом, Наталья держала себя в руках. Она пыталась отговорить ребенка, но дочка повторила примерно то же самое, что говорил отец.

– Дай тебе волю, – плакала дочка, – ты посадила бы всех по лавкам, перед телевизором, и в руки каждому мешок с фасолью. И чтобы все сидели, как идиоты, пялились в телик и чистили тебе фасоль! Это твой идеал жизни!

Наталья захотела разрыдаться, но засмеялась от умиления, глядя на своего почти уже взрослого остроумного ребенка. Как ни странно, дочь была права. Да, это был идеал жизни – чтобы все сидели вместе перед телевизором и чистили фасоль, и шелуху собирали в пакеты, а фасолины ссыпали в тазик, и чтобы Наталья в это время была на кухне, у плиты. Вот и все, и больше для счастья ничего не надо. К сожалению, такая простейшая картинка в ее жизни не получилась. Вот уже двадцать лет Наталья жила одна.

Мужчин она боялась, и при таком огромном количестве деловых партнеров, знакомых, в том числе и оказывающих знаки внимания, она предпочла оставаться одна. Да, да, да... Она была похожа на Ахмета, тоже не любила рисковать. Ведь мужчина – это риск, всегда. Он может написать тебе любое гарантийное письмо, кроме одного. Ни один мужчина не может при всем своем желании гарантировать, что будет любить всегда, спокойно и добросовестно, как любимую фабрику. Поэтому второй раз рисковать своим спокойствием Наталья не решилась.

Все эти милые страстишки и желанья, которые толкают богатых женщин в объятия не пойми к кому, Наталья давно забыла. Влюбляться, увлекаться, гореть в страстях – это в принципе было не в ее характере. Пожалуй, только жажда прикосновений, вполне конкретная и объяснимая, мучила ее долгое время. Ей хотелось кого-то обнять, к кому-то теплому и родному прижаться. Когда ушла дочь, обнять стало совсем некого, у нее иногда ныли плечи, замерзали, хотя было тепло, просто очень хотелось, чтобы кто-то обнял ее за плечи и своим подбородком надавил на макушку. Но это вскоре кончилось... Она привыкла быть одной. Воля ее была сильной, эмоции... Какие еще эмоции? Она про них забыла и день свой заполняла до отказа, до сильной усталости, горевать у нее сил уже не было, дома ночью она заворачивалась в одеяло и засыпала, как сурок. А все эти ее неуклюжие платья, макияж, каблуки... Это все осталось из прежней жизни вовсе не для того, чтобы привлекать самцов. Наталья берегла свои привычки, без нужды ничего не меняла, привычки помогали ей держать режим и экономить время. Купила платье в Барселоне в две тысячи втором году – так его и носит.

Так вот, старый советский завод развалился, и тогдашний номенклатурный директор начал продавать его по кусочкам. Он прямо так и бил себя по рукам, когда к нему приходили подозрительные люди с деловыми предложениями, он не хотел на эти взятки мерзкие соглашаться, он мучился, ночей не спал, но каждый раз отрезал от завода по кусочку. Станки продавали практически через забор, то есть вывозили как металлолом за копейки. Директор понимал, когда грабеж закончится, он останется с некоторой суммой, но без завода и без портфеля. Из прежней команды с ним никого уже не было, в Газпром его никто не приглашал, и, может быть, поэтому, когда Наталья пришла к нему поговорить, он выслушал ее внимательно.

– Все, мы приплыли, – она сказала просто. – У нас осталась только одна надежда... Мы знаем всех, кто покупал наши трубы.

– И что? – злился директор. – Они такие же все банкроты, как мы!

– Не все. Я проверяла, – подготовилась Наталья. – Многие из них пытаются запуститься. Сейчас они ищут дешевые трубы. Дешевые можно привезти из Китая. Пока не поздно... – тут она посмотрела на него решительно. – Дайте денег – и через три года я вам гарантирую один миллион прибыли.

– Миллион чего? – засмеялся директор, в стране тогда поперла страшная инфляция.

– Миллион долларов, – вздохнула Наталья. – Дайте денег...

Откуда, с какого потолка она придумала этот миллион? Шеф не понял. В другое время старый директор просто выгнал бы ее из своего кабинета, но теперь все было по-другому. У него по заводу как у себя дома прохаживались бандиты в малиновых пиджаках, которые тоже себе нарисовали примерно тот же миллион долларов и мысленно его уже делили. Директор в их компании был лишний, лишних директоров в те времена отстреливали, как зайчиков. Поэтому он не стал выгонять отчаянную бухгалтершу, а позвонил своим знакомым, и пара из них согласилась немножко скинуться на новую фирму.

Наталья выставила только одно условие, у нее всегда было только одно.

– Я должна быть директором и совладельцем. Двадцать пять процентов акций – мои.

– Почему двадцать пять? – пошевелил усами старый шеф.

– Вы, двое ваших друзей и я, вместе нас четверо, одна четвертая моя.

Предложение Натальи было логичным и справедливым, но вы же знаете этих директоров... Они считают, что работать на них – святая обязанность всех христиан, и чем меньше гонорар, тем лучше для спасения души. А этот старый шеф вдруг согласился на предложение Натальи с неожиданной легкостью. Когда люди делят живые деньги, они частенько бывают жадными, но когда они делят воздушный гипотетический миллион, тогда становятся заметно щедрее.

Вот так Наталья получила деньги на бизнес, должность и акции. Со временем она выкупила еще часть долей, так что теперь контрольный пакет был у нее.

Эту историю про миллион долларов через три года знали все, кто имел дело с «Глобал Металл». Она гуляла из уст в уста, передавалась клиентами как легенда, так что Ахмет и Анжела тоже слышали про тот первый миллион.

– Простите, – не удержалась Анжела. – Я всегда хотела спросить... Вы заработали тот первый миллион, как обещали? Вы уложились в срок?

В ответ Наталья только кивнула. Для нее было естественно выполнять обязательства. Коварство, склонность к пустым обещаниям и похвальба – это все были не ее болезни, она этих вещей не знала, поэтому и не могла понять, от чего так беспокоится Ахмет.

Как и предполагалось, после еды он начал добреть, они с Анжелой неспешно попивали кофе и страшно радовались, что наконец-то в этом городе они нашли местечко, где варят настоящий кофе. Они наслаждались этой чашечкой кофе, как будто ничего важнее не было, и взгляд у Ахмета снова был слегка рассеянный и спокойный, как будто и не было у него никакой фабрики. Как человек восточный, турок, он умел переключаться на приятные мелочи и наслаждаться моментом, у Натальи такого таланта не было. Она не могла получать удовольствие ни от чего, кроме работы. И получалось, что она живет как загнанная лошадь – устает бежать, но все равно бежит, потому что боится остановиться. Как будто ее пристрелят, если она хотя бы раз уйдет в полноценный отпуск.

– Вы знаете... – блаженно, как кошка, потянулась Анжела на мягком диване. – Мне всегда хотелось быть такой, как вы... Заняться бизнесом... Пусть небольшим, но чтобы я имела что-то свое, чтобы не зависеть вот от этого... – она повела глазом на Ахмета, – ...от этого маленького толстого орангутана.

Наталья улыбнулась, Ахмет не понимал, но видел, что говорят про него, и тоже улыбался.

– Я даже как-то фирму открывала. По доставке воды, – Анжела рассмеялась. – Да, он меня так достал, что я решила заняться доставкой! И я пришла к нему такая вся решительная, молодая, пальчиками щелкнула: «А ну-ка! Сделай мне офис, дорогой! Вот в этом бизнес-центре, и чтобы вот такой вот у меня стоял диван, и компьютеры самые новые мне, пожалуйста!» Да-а-а-а... И аквариум я попросила!

Анжела рассмеялась и доверительно шепнула Наталье:

– Вы знали секрет? Для денег нужна вода, по фэншую. Желательно аквариум, не фонтан, чтобы от вас ничего не утекало, а именно аквариум, чтобы все потоки направлялись к вам. Вот так вот... Он мне сделал все... И...

Анжела поцеловала своего орангутана в лоб и весело расхохоталась:

– И все! Я поработала сезон и через полгода объявила распродажу! Звоню подружкам: Кому диван? Кому аквариум? Компьютеры? Срочно!

Анжела почесала Ахмета за ушком, как домашнего кота, и в эту минуту ей даже в голову не приходило, как сильно Наталья хотела быть похожей на нее. Да, женщинам всегда нужно не то, что у них есть, а совершенно противоположное. И сейчас, именно в этот момент, за сто-

лом в дорогом ресторане для деловых людей, эта железная леди хотела быть пушистой белой толстой кошкой, которая ничего не понимает в бизнесе.

—
Дочь Натальи очень удивилась, когда узнала, что мать улетела в Китай. Эта домашняя женщина, которую невозможно было вытащить в парк, вдруг собралась в такую даль?

Гулять Наталья действительно никогда не любила. Ей было скучно тащиться куда-то просто так, ей было нужно, чтобы впереди была цель, хотя бы купить молоко и буханку, тогда прогулка становилась интересной. И чем сложнее цель, тем дальше она была готова отправиться, правда, об этом ни ее дочь, ни бывший муж не знали.

Наталья рассчитала все верно. Промышленники, все, кому нужна железная труба, всегда очень заняты. У них все время забирает собственное производство, им совершенно некогда мотаться в Китай и там, в чужой стране, искать добросовестных производителей. И все, конечно, боятся обмана, все знают, что хитрые китайцы американцам и немцам делают одно качество, а русским совсем другое. Кроме того, китайцам нужна предоплата, а в начале девяностых расплачиваться было нечем. Наталья решила взять на себя все эти проблемы и на этом зарабатывать. Она сама найдет и отберет лучших производителей в Китае, она договорится с ними о контроле качества, о сроках, она будет за всем этим следить, она же будет лично контролировать расчеты и заберет товар с предоплатой, а потом своим клиентам даст отсрочку и возьмет за все вот эти хлопоты свой честно заработанный процентик.

«А если вдруг?» – спрашивал ее старый директор. «А если» и «а вдруг» ее не волновало. Она захотела стать богатой и уважаемой. Она захотела, чтобы к ней обращались на «вы», чтобы стекла дорогого автомобиля закрывали ее от дорожной пыли и уличного хамства. Если хочешь иметь много, нужно и брать на себя много. Тот, кто не берет на себя ответственность, ничего не получит взамен – ей это было понятно.

В Китай она взяла с собой инженера. И, прежде чем отправиться по делам, они решили посмотреть Великую Китайскую стену. Наталья про нее читала в школе по истории, как все мы, она ожидала, что все там будет как на картинках, как тысячу лет назад. Что там могло измениться? Казалось бы... Вечные горы, вечное небо, туман, солнце, монументальные камни... Ан нет! Сегодня Великая Китайская стена – это совсем не то, что было тысячу лет назад. Это тогда стену охраняли императорские стражники, и вокруг была вечная тишина. Сегодня по стене бегают пестрые толпы туристов и шустрые китайские торговцы, они продавали бейсболки и спортивные кофты. Кофты нужны, Наталья это почувствовала сразу, потому что на стене было заметно холоднее, чем внизу. Китайцы вели себя не так скромно, как у нас в России, они приставали к туристам, как обезьянки, и очень настойчиво предлагали купить свои кофты. Все сначала отмахивались «ноу, ноу», но эти пройдохи бежали за туристами, сбавляя цену на ходу.

«Возьми куртку! Тридцать долларов!» – пристал к Наталье один маленький, беззубый. Она отвернулась и, стараясь его не замечать, пошла дальше смотреть на вечное небо, вечные горы, вечные камни. Пейзаж был настолько сильным, что даже она, женщина без тонкого вкуса, все равно прониклась и почти уже представила на стене императорских всадников, но ей опять мешал торговец. Китайчонок догонял ее и бубнил на ходу: «Двадцать долларов!» Она поежилась, но снова отказалась, ей не хотелось надевать синтетическую китайскую тряпку. «Пятнадцать долларов!» – орал китаец. Этот нахал заметно испоганил весь лирический настрой, музыку ветра и вечности Наталья не услышала. В конце экскурсионного маршрута он все еще бежал за ней, и теперь его кофта стоила всего пять долларов. «Пять долларов!» – кричал китаец у выхода со стены. «Так, так... – подумала Наталья. – Начал с тридцати, теперь продает за пять. Хорошо, будем знать, как с ними торговаться».

Наталья с инженером проехала от Пекина до Шанхая, она планомерно по списку обследовала заводы, которые выпускали металлические трубы. Ей нужно было выбрать лучших про-

изводителей. Но как понять, кто лучший? Это она представляла туманно, потому что сама была экономистом, а ее инженер был еще молоденький мальчик без должного опыта, никто из старых с ней лететь не согласился. И Наталья, и ее инженер, когда летели в Китай, ожидали увидеть там допотопные станки и сплошной ручной труд, но оказалось, что на китайских фабриках полно наших советских станков, точно таких же, как те, что старый директор распродавал с родного завода. Наталья записывала в книжку все, что видела, чисто по-женски вычеркнула из своего списка те фабрики, где в цеху была грязь и бардак. На одной из фабрик она увидела американского робота, такую большую металлическую клешню, которая сама управлялась в цеху, а люди следили за ним из окошечка. Инженер сделал умную морду, и они решили, что выберут для начала именно эту фабрику.

Назначили переговоры. К ним вышел директор, маленький, толстый китаец, с двумя смешными передними зубами и в очках. Все остальные китайцы смешались в одно веселое безглазое лицо, первое время Наталья не знала, как же их отличать. На каком языке договариваться? Английский и у русских, и у китайцев был ужасным, но и это Наталье не очень мешало. Ее инженер и китайский рисовали на бумаге чертежи, как иероглифы, так они обсуждали технические детали. А потом, как и в России, китайцы потащили гостей за стол.

Наталья первый раз увидела стандартный китайский стол, круглый, из двух дисков, на верхнем крутилась куча разных мисок с едой, его вращали и накладывали понемногу в свои тарелки, которые ставили на нижний диск. Наталья перепробовала все из этих мисочек, включая мозги шимпанзе. Ей понравилось, даже китайская водка, которая, хоть убей, пахивала мокрой собачатиной.

Китайцы оказались такими же пьяницами, как русские. Зубастенький директор постоянно поднимал за дружбу между народами. Он подсылал к Наталье своих людей, и она, не различая совершенно лиц, выпивала с каждым по стопочке за перспективное сотрудничество. Только пустела ее водка, директор подсылал следующего китайчонка. И все как один повторяли: «Тоти бу! Тоти бу!» или что-то в этом духе. Наталья с инженером быстро поняли, что по-китайски это означает «пей до дна». Вот оно, где нашлось это загадочное «бу»! Вот у кого русские-то бухать научились!

«Нас примитивно хотят напоить», – шепнула своему напарнику Наталья, но люди с интеллектом быстро сообразили, как выкрутиться. Подбегает китаец, лепечет им что-то про дружбу, «френдсип, френдсип»... Наталья улыбается, чокается, китаец пищит «пей до дна, пей до дна». Она опрокидывает стопарик в рот, китаец тоже выпивает и отваливает в сторону на полусогнутых, тогда Наталья берет большой стакан с водой, делает вид, что пьет, а сама выплевывает туда всю водку.

Эти стаканы с водой, в которой плавали фрукты, стояли у каждого, чтобы сделать глоток, очистить рецепторы перед сменой блюд. Никого уже эта смена блюд не волновала, китайцы просто были в хлам и не могли никак понять, почему же не вырубаются эти русские. Никто не догадался, что вокруг Натальи с инженером все большие стаканы были полны водкой.

Зубастенький директор увидел, что его люди падают, и поднял руку. Перерыв! Все потопали на соседний этаж в массажный салон. Там весь офис посадили в кресла, с каждого сняли обувь и опустили ноги в тапки с теплой водой. Наталья с инженером тоже сели. Массажистка размяла им пальцы, нажимала на какие-то точки, и после этого с новыми силами китайцы попытались еще раз напоить русских купцов. Но ничего не вышло, официанты поменяли стаканы с водой, Наталья всю эту воду выпила и продолжала сливать туда водку. Два раза китайцы уходили на массаж ног, зубастого директора отгрузили под руки в его машину, Наталью с инженером отвезли в гостиницу, как почетных гостей их поселили в королевский номер.

В гостинице Наталью ждала огромная позолоченная кровать с драконами под балдахин, шелковые подушечки на мягком диване и круглая, сверкающая позолотой ванна. В этом номере она отдыхала одна, как полководец, изучала договора и карту Китая, прокладывала

маршруты следующих командировок. Ее инженер был в соседнем номере, он развлекал китайских сотрудниц, пил вино и пел им вальс «На сопках Манчжурии». Когда они вернулись домой, ему вдогонку посыпались сообщения: «Дорогой сэр! А вы приедете к нам еще?»

После той китайской командировки Наталья стала жить в поездах, в самолетах, в гостиницах. Она объезжала планомерно по списку всех своих будущих клиентов, сначала в России, а потом за границей. Так она и попала в гости к Ахмету.

Первый раз она приехала к нему в Стамбул лет десять назад, тогда Ахмет не захотел с ней работать, он не хотел покупать китайское железо. Что вы! Как он может ставить китайские комплекующие в свои невозможные печи? Как вообще он может связываться с какой-то бабой?

Он отказался работать с Натальей, но лицо ее запомнил, запомнил яркий макияж. Она была похожа на тех русских девушек, с которыми он привык расслабляться. Прошло всего несколько лет, и он сам на нее уже вышел, когда узнал, что его немецкий поставщик делает свои заказы в Китае и ставит на них свое немецкое клеймо. Ахмет ужасно разозлился, вот тогда он и вспомнил про Наталью.

– А что ты сам не купишь у китайцев? – спрашивала Ахмета его любимая блондинка. – Я хочу в Китай, я в Китае ни разу не была...

– Я не могу купить сам! – объяснял Ахмет. – У меня нет свободных денег!

– Не ври! – грозилась пальчиком Анжела. – Не ври! А яхта? А машина новая? А вилла?

– Все в кредит! – оправдывался Ахмет. – Поверь, Анжела! Я живу от заказа до заказа. Я прыгаю с одного кредита на другой! А у этой русской бабы деньги есть! Потому что свои кредиты она гасит своими же депозитами!

– Что ты мне зубы заговариваешь?! – ругалась Анжела. – Кредиты! Депозиты! Я в этом ничего не понимаю! Когда уже ты сделаешь мне такую кредитку, чтобы деньги с твоего счета сами перетекали на мой счет? А?!

– Анжела, ты же русская женщина... – выкручивался хитрый Ахмет. – И эта Наталья тоже русская женщина. Почему у тебя нет денег, а у нее есть? Почему ты не сделаешь такую же фирму, как у нее? Как бы ты мне сейчас помогла!

– Йок-йок, дорогой! – останавливала его Анжела. – Вот это вот спасибо!.. Этого мне не надо! Рабочая лошадь – это не мое амплуа!

–

За двадцать лет Наталья изменилась примерно так же, как ветка дерева меняется, когда из нее вытачивают копьё. Денег у нее становилось все больше, она садилась за стол с серьезными мужчинами как равная, и никто не обращал внимания на ее маленький рост и красную вульгарную помаду. Она, действительно, стала немножко похожа на робота: прямой взгляд, ноль эмоций, полная концентрация на деле и память... Память у нее была идеальная, она помнила даже диаметр трубы, которую господин Ахмет отказался заказать у нее десять лет назад.

Кстати, у Натальи и Ахмета было еще кое-что общее. Он накопил себе недвижимости, но жить предпочитал в старой квартире, неподалеку от фабрики. И Наталья тоже свою крошечную квартиренту в центре города, которую считала безумно уютной когда-то, оставила как основное место дислокации. Шторки красные в клетку, которые так раздражали бывшего мужа, она выбросила, ей сделали дизайнерский ремонт, который, впрочем, она не смогла оценить. Все новое, все чистое – и хорошо. Чем отличался стиль прованс от скандинавского, она не поняла, ей было абсолютно все равно. Свой новый загородный дом Наталья посещала редко. О чем она думала, когда строила особняк пятьсот метров с бассейном, баней и парком? О том, что хорошо бы все вернуть, вернуть назад то время, когда всего этого хотелось, когда семья была молодой и сама она была молодой и могла нарожать по ребенку в каждую комнату. А сейчас там жила ее дочь со своими детьми, конечно, они помирились. Дочь выросла и тоже стала работать в «Глобал Металл», но серьезные вопросы Наталья ей не поручала. Это тоже объединяло их с Ахметом, он тоже не мог доверить дела единственному наследнику.

Дочь Натальи чуть позже тоже заглянула в ресторан, она подросла к десерту и села со всеми за столик. Это была элегантная молодая женщина, совсем не похожая на свою мать.

– Приезжайте! – приглашала ее Анжела. – Обязательно приезжайте к нам в гости! У него квартира в Анталии пустая стоит, зачем вам отель? Погостите у нас по-семейному, он нас покатает на своей яхте...

Ахмет раскрыл ноутбук, он ковырялся в почте, отправил срочное письмо и снова взялся за мороженое, ему очень нравился русский пломбир.

– Что ты понимаешь в нашем пломбировании? – шутила его любимая блондинка. – Ты даже не нюхал настоящего пломбира! Ты думаешь, что этот молочный сиропчик в вазочке и есть тот самый наш пломбир?..

Она залезла ложечкой в порцию Ахмета, попробовала, попробовала еще и, к своему удивлению, осталась довольна.

Дочь Натальи не знала, почему ее мать спешит разделаться с этим турком, почему она вообще ее вызвала из дома и попросила изучить некоторые документы.

– Вы на диете? – спросила она Анжелу. – Нет? Отлично! Тогда закажите торт, тут отличный кондитер... Я сюда приезжаю ради десертов. А мама сладкое не ест...

– Неужели вы соблюдаете фигуру? – спросила Анжела. – Зачем? Вы отлично выглядите! Наталья равнодушно посмотрела на изящные итальянские тортики, которые принес официант.

– Нет, никакой диеты, – она сказала. – Просто сладкое не люблю.

Десерты – бесполезная еда, в них нет ничего, кроме эмоций, а их Наталья необходимой для жизни пищей не считала.

– Я отправил ваши договора своим юристам, – обратился к ней Ахмет. – Они уже изучают, совсем скоро они будут готовы ответить мне...

– О, боже мой! – зашебетала Анжела. – Извините, опять его придется ждать. Совсем немного, у него хорошие юристы, он их так гоняет...

Наталья хотела согласиться и вместе со всеми вернуться в офис, но вдруг она почувствовала себя нехорошо, появилась внезапная слабость, настолько сильная, что полное равнодушие ко всему захватило ее, и она поняла, что работу придется оставить.

– Пожалуйста, не спешите, – сказала она Ахмету. – Завтра утром я жду вас у себя. А сейчас, простите, мне нужно отъехать.

Она поднялась и как-то поспешно поплелась на выход. Метрдотель кивнул ей на прощанье и записал обед на ее постоянный счет.

Все думали, что мадам отъехала по важным делам, что директриса торопится на какую-то важную встречу или у нее совещание с банкирами... Но нет, ничего этого в планах у Натальи не было, она спешила домой, ей захотелось спрятаться в своей маленькой квартирке.

Квартира была рядом, в центре, но в хорошем тихом месте, на десятом этаже. С балкона открывался удачный вид на город, жаль, что Наталья этим бонусом почти не пользовалась.

В ванной она посмотрелась в зеркало, несмотря на плохое самочувствие, выглядела она неплохо. Это тоже была не проблема. Для женщины с деньгами возраст – понятие условное, оно отодвигается умело руками косметологов, врачей и массажистов. Возраст они отодвинуть умеют, но время останавливать еще пока никто не научился. Двадцать с лишним лет прошли незаметно, и все это время Наталья куда-то летела, ехала, спешила... А было бы чудесно, зря над ней смеялась дочка, было бы чудесно усадить семью перед телевизором и каждому в руки фасоль и тазик...

После душа, закутавшись в теплый халат, она упала на диван, включила старый фильм и уснула. Раньше с ней такого никогда не случалось, бросить хозяйство в середине дня она себе не позволяла. Но теперь ей было все равно.

Утром договор для Ахмета лежал у нее на столе, а турок с блондинкой опаздывали. Они пришли растрепанные, наспех застегнутые, с опозданием на полчаса. Ахмет был поцарапан, следы ногтей на небритых щеках заметно оживляли его кошачью морду. Анжела не успела причесаться, на макушке у нее торчал веселый хвостик.

– Извините, ради бога, извините! – пыталась она улыбнуться. – Мы опоздали... Это все из-за него!

Ахмет смущенно опустил глаза. Он сел за стол и вытащил ноутбук. Его ноутбук был сломан, разбит на две половинки, но работал, монитор висел на проводах, как на ниточках, поставить его было уже невозможно. Ахмет разложил половинки ноутбука, как тетрадь, и улыбнулся.

– Он хочет перекинуть вам свои чертежи для заказа, – объяснила Анжела. – И все подписать...

Она взглянула со злостью на своего турка и поделилась с Натальей своей обидой:

– Я же говорила, что он все подпишет, никуда не денется. Только все нервы сначала измотает! Он всю жизнь такая сволочь, сначала выпьет мою кровь, а потом все равно идет и платит за все, зараза! Ему очень трудно расставаться с деньгами, если речь идет о приличных женщинах. А шалавам разным раздавать!..

– Значит, все в порядке? – едва улыбнулась Наталья.

– Да! Все как обычно. Вчера он говорил с юристами по Скайпу, с айфона, а в ноутбуке у него был сайт открыт, развратный, и там «мэсажи» как пошли!.. Я заглянула, ну и конечно! Сидит тут, фабриканта из себя изображает, а на уме у него одни бабы!

Наталья молча смотрела на веселую парочку с недоумением. Нет, их разборки ее не удивляли, она просто не знала, как реагировать на такую внезапную непосредственность. Она всю жизнь находилась в мире закрытых, зажатых людей, которые умели вести себя просто только после водки, но и тогда, напиваясь, они не выпускали из себя эмоции, а просто превращались в свиней.

– Какая вы счастливая женщина! – сказала ей Анжела. – Как бы я хотела так же, как вы, ни от кого не зависеть! Да были бы у меня сейчас деньги, я бы тут с ним не сидела уже!

Ахмет еще раз виновато улыбнулся. Наталье показалось, что он все понимает. Она общалась много с иностранцами и успела заметить: обычно, когда человек не понимает язык, он делает круглые глаза и старается изо всех сил изобразить понимание. Ахмет так не делал. Он нашел нужные файлы, нажал отправить, и его письма с чертежами полетели в инженерный отдел «Глобал Металл».

– Извините, – сказала Наталья. – Я очень спешу. Договора подписаны, я вам их оставляю, если будут вопросы, обращайтесь к моим помощникам, я, к сожалению, срочно уезжаю.

– Как? – удивилась Анжела. – Вы уже убегаете?

Турок беспокойно, как ребенок, завертел лысой головой.

– Простите, – попросила Анжела. – Вы не могли бы всего на секундочку задержаться? Он хотел подписать договор вместе с вами. Он хочет, чтобы я сфотографировала, как вы ставите подписи, а он повесит эти фото у себя в офисе и будет хвалиться, что у него в поставщиках такая серьезная фирма! Видите, какой лицемер? Пожалуйста, всего секундочку...

Секунда у Натальи была. Она улыбнулась в камеру, Анжела сняла рукопожатие. Турок-мужчина с улыбкой протягивал свою цепкую сильную лапу маленькой, вульгарной, не очень красивой русской женщине как равному деловому партнеру.

Наталья улыбнулась в кадр равнодушно. Она уже давно не смаковала свои победы. Деньги побеждают – в этом ничего нового не было, деньги всегда побеждают – так она думала раньше, но сейчас делала одно уточнение – деньги побеждают часто, но не всегда.

Маленький турок ушел, за ним поспешила, заплетая каблуками, оставляя ароматы французских духов, высокая русская блондинка. Наталья осталась одна в кабинете. Лицо ее застыло,

она не радовалась, да и радоваться было нечему. Она проиграла, просто еще никому не хотела об этом говорить. Если бы знал этот веселый турок, что Наталья на самом деле банкрот и ее банкротство непоправимо. Деньги у нее были, но что такое деньги? Это не единственный и вовсе не главный ресурс. Главная ценность – не деньги, а время, и как раз времени у Натальи не было.

– Машина ждет, – сообщила ей секретарша.

Она последний раз оглядела свой офис, накинула манто, взяла портфель, потом раздумала, оставила портфель на кресле у стола, а вместо него выкатила большой чемодан.

– Я помогу, – сказала секретарша и повезла багаж до подъезда.

Там ее ждал водитель, он раскрыл дверцу перед хозяйкой и посмотрел на нее с бодрой улыбкой, стараясь спрятать за старомодные пушистые усы свой страх и жалость.

Наталья погрузилась в мягкий салон, как в космический корабль, оглянулась на свой офис и перекрестилась.

– Молодец... – сказал ее старый шофер. – Спокойная, как королева Елизавета.

– Да хватит... – отмахнулась Наталья.

– Кого оставляешь... – спросил водитель, и конец вопроса немного застрял у него на языке. – Кого оставляешь вместо себя?

– Дочку, – ответила Наталья. – Она пока еще не знает.

– Не знает... – он повторил и, глядя на дорогу, успокоил. – Ты за нас не волнуйся. Все будет чики-пуки. Главное, ты сама там держись.

Наталья еще раз оглянулась на шумную центральную улицу своего города, и больше ее никто в этом городе не видел. Только старый водитель знал ее последние маршруты, он отвозил ее в Москву, в аэропорт. Оттуда она вылетела в Мюнхен, там ей сделали сложную операцию. За все лето она ни разу не появилась на работе, даже онлайн. Ходили слухи, что она решила поселиться на Тибете и лечится там какими-то хитрыми травками, но это было совершенно не в ее стиле, к тому же болезнь оказалась тяжелой, а спохватилась она слишком поздно. После известия о ее неожиданной смерти все удивлялись, разумеется: «Как же так! С ее деньгами! Кто мог подумать, что она никогда не ходила к врачам? Другие вон чуть что бегут, трясутся за свое здоровье, а эта... Вся жила в работе. Ни одного чек-апа! Ни одного обследования! Терпела до последнего»...

Осенью водитель снова забирал ее в Москве с немецкого рейса, из аэропорта он отвез Наталью домой, в старую квартирку. В феврале она там умерла. На ее похоронах был только старый шофер, бывший муж и дочка, больше друзей у Натальи не было.

Гастроном для одиноких сердец

Инерция любви так велика, что мы на ней летим довольно долго. Мотор уже давно не работает, а мы все еще едем.

– Богатые тоже плачут

По городу ходили слухи, что Репина Лариска отравилась. Лариса Репина – жена известного у нас в городе бизнесмена, речь пойдет о ней. Эта вроде бы отравившаяся дама и сама была успешной предпринимательницей, ей принадлежал самый модный в нашем городе гастроном. Она была его единственной хозяйкой, а это, к вашему сведению, семьсот квадратных метров одних только витрин, с таким приданым просто так не повесишься. То есть, не отравишься. Да и с чего бы вдруг? Лариса была очень даже счастливая женщина, мать хорошего сына, кажется, в Англии учился ее ребенок. Дом как дворец, по соседству с губернаторским. Гастроном приносил доходец, и все там у нее по струнке бегали: «Ларис Ивановна! Ларис Ивановна»... И вдруг про нее понеслись эти сплетни.

Даже мне!.. А мне вообще плевать на все на свете, тем более на светскую хронику, но даже мне звонили третьи лица и оживленно сообщали: «Ты слышала, у Репина жена отравилась? Как?! Ты не слышала? Так я ж тебе и говорю – Лариска отравилась. Смешала с вискарем снотворное, как Мэрилин Монро».

«Брехня», – я это сразу всем сказала. Женщина, у которой есть самый лучший в городе гастроном, не может покончить жизнь самоубийством. Голодная какая-нибудь может отравиться, а с гастрономом – ни за что. Вот сказали бы мне, что повесилась Марина Цветаева, я бы сразу поверила. Сказали бы мне, что застрелился Хемингуэй, и тут бы я не усомнилась. А что это еще за новость – из-за любви и временных финансовых трудностей отравилась хозяйка гастронома? Хозяйки гастрономов, насколько мне известно, далеко не самые ранимые и не самые порывистые. Да я вообще не слышала ни разу, чтобы хозяйки продуктовых магазинов кончали жизнь самоубийством. Их убивают – это слышала, а чтобы они сами? Никогда.

Если бы Лариса была просто женой крупного бизнесмена Репина, тогда, конечно, вероятность была бы. У бизнесменов часто бывают очень нервные жены, то и дело их ловят на границе при попытке вывезти после развода с этими бизнесменами своих же собственных детей, вылавливают из окровавленной ванны, вытаскивают из кюветов... И тут все ясно, мужья у них вечно заняты, девчонки остаются без присмотра, а тут уж как с подростками, нужен глаз да глаз, особенно если на горизонте появляется соперница и маячит развод. Да, да, Ларису эти вещи тоже не миновали, я в курсе. Ее брак после двадцати с лишним лет благополучно закончился, так что женой Репина ее называли уже по привычке. И все равно Лариса истеричкой не считалась и отравиться из-за развода не могла. Поэтому я всем и говорила: «Брехня! Брехня! Брехня!»

Новая любовь ее мужа, как водится, была моложе практически в два раза, и это наши глупенькие сплетницы посчитали причиной для харакири, точнее для отравления. Что интересно, ни одна из сплетниц в аналогичной ситуации ни за что бы с жизнью не рассталась, но все небрежно ухмылялись над новостями: «... из-за мужика! Вот дура! Из-за мужа отравилась! Говорят, он ей на свою свадьбу приглашение прислал, вот она и решила сделать ему подарочек». Короче, в эту сплетню про Ларискино самоубийство все ее подружки поверили. Хотели верить, мерзкие завистницы. В нашем городе, хотя он и не маленький да и находится всего в пятистах километрах от столицы, правят умами совершенно провинциальные нравы. У нас все еще по старинке люди разводятся после супружеских измен, а толерантность, свободу и прочие гуманитарные словечки переводят как англоязычное ругательство.

Так вот, все посвященные особы горячо обсуждали, что Ларискин муж отыграл свою свадьбу сразу же после самоубийства первой жены, переносить не стал, и этот мексиканский рас-

клад принимался у нас без сомнений отчасти потому, что нашим офисным кошелкам заняться было нечем. Накладную отчпокала, кофе сварила, и давай названивать: «Ты слышала? Лариска-то... Ага!» И кто-то даже из подруг поближе искал номер бывшего супруга, чтобы уточнить информацию, но вовремя одумались, сообразили, что неудобно все-таки звонить занятому человеку и спрашивать: «Скажите, пожалуйста, ваша жена отравилась или мы ошибаемся?» Так что проверять информацию не спешили, не стали лишать себя повода для оживленных щебетаний. И только я не доверяла сплетням, только я задавала вопрос: «А что с гастрономом? Брак распался, это бывает, но гастроном-то стоит! Я заезжала в Ларискин гастроном». Меня никто не слушал, все визжали на излюбленные темы: «Скотина! Ушел к молодухе! А как маскировался, сволочь! Домой без букета не приходил! Дворец ей отгрохал, сына в Лондон отправил, бизнес ей сделал... И все равно, скотина, убежал».

«Он сделал ей бизнес» – традиционное и очень ходовое в наших диких степях выражение. Никто не верит, что женщина может что-то сделать в этой жизни сама, при этом не отказываясь и от мужа-бизнесмена. У нас, опять же по старинке, бытует мнение, что жены предпринимателей становятся успешными хозяйками только благодаря деньгам и связям мужа. И спорить с этим я бы не рискнула, чтобы не навлечь на себя гнев обширной женской публики, которой бесполезно объяснять другую точку зрения. Пару раз я пыталась, говорила: «Девушки, вы повнимательнее посмотрите... У каждого бизнесмена есть жена, но не каждая рулит, не каждая имеет свое дело». На меня обычно шикали, плевались даже, говорили: «Молчи, ты в жизни ничего не понимаешь! Принцесса на горошине!» Тут я и затыкалась, хотя мне было очевидно, что ни одна из сплетниц не смогла бы удержать в своих загребущих лапках такой огромный гастроном, как у Ларисы.

Лет семь назад он подарил ей этот магазинище на день рождения. И вот теперь, вдобавок к сплетням про самоубийство, пролетела инфа, что гастроном Ларискин продается на торгах, что бизнес обанкротился, и вроде бы вся ее торговля импортными деликатесами накрылась после введения западных санкций и наших ответных эмбарго. Эту мульку подтверждала распродажа в гастрономе, вроде бы в связи с закрытием, сыры, вино, осетрина и прочие радости продавались в полцены, и наши обжоры ломанулись. Я не поехала, ненавижу очереди, никогда в них не стою. Спасибо! В детстве настоялась, два килограмма сахара в одни руки, помню. Стиральный порошок по талонам, очередь занимать с шести утра – хватит, настирались. И потом я вообще не люблю распродажи в связи с ликвидацией, в таких умирающих магазинах у меня ощущения такие же примерно, как в квартире покойника. Хотя, краем глаза, пока тащилась в пробке по проспекту, я все же заметила огромную надпись «продается» на Ларискином фасаде, этот баннер повесили прямо на фирменную Ларискину вывеску «Самый лучший гастроном». Распродажа была объявлена, а вот в самоубийство я все равно не верила, и в новостях об этом не передавали, поэтому я и ничуть не удивилась, когда спустя пару месяцев после всей шумихи вдруг неожиданно встретила Ларису. Я уже совсем забыла все эти глупые сплетни, у меня была куча своих важных дел, и вдруг смотрю – Лариса.

Где мы с ней встретились? Вы хотите, чтобы Соньчик сразу вам сообщила, где встретила свою будто бы покойную знакомую, чуть было не от-ра-вив-шу-ю-ся? Я не скажу, где встретила Ларису. А то все так привыкли, что я своим читательницам сразу все выкладываю, как Красная шапочка, что я не в силах никого терзать сюжетными интригами. Да, я не в силах. Но в этот раз немножко помолчу, назло тем сплетницам, которые считают, что без мужа Лариса не смогла бы закрутить свой бизнес. Ха-ха-ха!

Она прекрасно выглядела, Лариса. Как была до отравления холеная бабища, так и осталась – здоровая, высокая, сильная. Добрые глаза и крупные черты делали ее похожей на красивую корову, было бы странно, если бы такой спокойной домашней женщине пришли в голову суицидальные мысли. Сорок пять, конкретная ягодка, ухоженная, вся натуральная, не испорченная этими дешевыми макияжными прибабасами, которыми любят увлекаться

наши бабенки вслед за своими взрослеющими дочками. Синий шарфик из натурального китайского шелка был ей к лицу, как, впрочем, в свое время ей был к лицу и пионерский галстук. С тех советских времен в лице ее осталось что-то прямое и положительное, врать Лариска как настоящий пионер не любила, и сразу мне сказала, что доля правды во всех этих слухах все-таки есть.

Бизнес, и правда, переживал временные трудности. Как все владельцы частных магазинов, у которых клиентуру оттянули гипермаркеты, Лариса почувствовала падение оборота, но марку держала. Ни одна торговая сеть не смогла бы его задавить, потому что Лариса давала своим клиентам главное – понты, возможность как на деревенском рынке показать себя и посмотреть других. Ведь у нее был не обычный гастроном, не мелкота, не павильончик возле остановки, не маркет под домом... В том и дело, что у Ларисы был солидный магазин с большой винной картой и дорогими деликатесами, он выглядел не хуже, чем приличный банк. Подъезд обшит зеленым гранитом и вывеска золотыми буквами – «Самый лучший гастроном». Перед входом фонтан, не фонтанчик, а фонтан со скульптурой, наш местный художник сделал ей на заказ большую черепаху, немного коровястую, но для провинции сойдет. И тут же у нее была чистая детская площадка, с приличными скамейками массивного литья, и обязательно цветы по клумбам, летом, а зимой перед входом ставили елку, не какую-то там елочку, а высокую богатую ель. Само собой, парковка охраняемая, а на парковке – все самые блатные тачки нашего района. И кто же мог подумать, что такой шикарный магазин обанкротится?

– Купи мне магазин

Честно говоря, у меня было свое мелкое предубеждение против торговли, именно против торговли продуктами, против этого всего новоявленного купечества, которое работает не по уму, а по благу, против бизнеса, который существует на дотации богатенького мужа, против модных хозяек, у которых весь персонал на ушах... Я не считала таких как Лариса вообще бизнесменшами и поначалу слушала ее историю без интереса, до той минуты, пока не заметила второе дно. В любой истории всегда есть то, что мы на первый взгляд не замечаем, даже если речь идет про гастроном.

– Я столько сил туда вложила... – рассказывала мне Лариса совсем без досады, абсолютно спокойным голосом. – Буквально пять лет не вылезала оттуда. И в каждый угол, в каждую коробку лично носом лазила. Можешь представить, в первое время, когда я только отбирала поставщиков, мне приходилось дегустировать все, что я хотела продавать. Хамон испанский приезжает – я каждый окорок обнюхаю, строгаю, с девочками пробуем у нас на кухне... Семга норвежская... Ее же столько раз подделывали! Привозят мне бразильскую, по накладным она у них норвежская, а я уже на глаз, на цвет спокойно отличаю. Сыр!.. О, мама родная, я килограммов пять, наверно, набрала одними этими сырами, они же калорийные ужасно... А что мне делать? Делать нечего, надо все проверять. Я же не могу предлагать белорусский пармезан вместо итальянского.

– Да... Тяжело тебе пришлось, Лариска... – вздыхала я не без ехидства. – Работка адская у тебя была... Не позавидуешь! Столько жрать-то... Нешуточное дело!

– А ты что думала? – смеялась Лорик. – Еще ведь вина, коньяки, а ты же знаешь, как зверски у нас алкоголь подделывают. Сколько раз уже было... И никаких гарантий нет, пока бутылку не откроешь, не понюхаешь. Поставщик вроде бы приличный, документы все в норме, а намешали черте что! Спирт с карамелькой развели – и без зазрения совести наклеивают этикетку... Ром!

– Ты что, и это пробовала?

Меня аж передернуло. Я как-то раз понюхала паленый ром, в красивой дорогой бутылке был налит, вонял косметикой, до тошноты.

– Пришлось попробовать однажды... – усмехнулась Лорик. – Потом очнулась и думаю: а на хрена мне это все? На что я трачу свое время? Ведь я же в театре с этим гастрономом уже три года не была!

Лариса была очень ответственной с детства. Отличница со всеми вытекающими. И в школе она была отличницей, и в универе, она же наш журфак закончила, мы с ней учились на параллельных. И замуж вовремя, не второпях, как некоторые, а на последнем курсе вышла, ребенка через пару лет родила, не сразу, сдури, а когда уже пожилы вместе и притерлись. В семье у нее тоже было все на «пять». Муж был, как говорят в нашем городе, положительный во всех отношениях. Не пил, не курил, не гулял...

– Я теперь уже и не знаю, – она не была на сто процентов уверена. – Гулял он раньше у меня, до этой... или не гулял? Жила все годы и не сомневалась никогда, что он со мной. И мысли даже не было! Другие про своих чего-то там рассказывают, жалуются, а я молчу, мой не гуляет, мне и думать об этом не приходилось. Мне казалось, что у нас все вообще хорошо. Да, честно говоря, и некогда было про такие глупости думать. Я сыном занималась, я в своего мальчика много вложила. Английский, музыкальная, фехтование, коньки... Поездки постоянные: то Золотое кольцо, то Питер, то Карелия – это все на мне, я хотела ему побольше всего показать, особенно когда решили, что он за границей учиться будет. И вечером читаем, и стихи с ним учим... Сейчас же дети какие пошли? Памяти нет, как старички все, а мой все стихи, все наши программные наизусть выучил. Когда мне было мужа подозревать? Муж работал, нет его дома – значит на работе, он всегда работал очень много.

Муж у Ларисы был воротилой, что поделать, всю занимался строительством, даже слишком увлекся. У нас тут, в городе, своими новыми высотками он перекрыл проезды, разворотил наш старый парк, за что его пикетчики, хотя и без толку, но потерзали. Он отхватил свое и понастроил всякой дряни. Я как-то раз была в одной такой квартирке, в доме, который он построил. Мне стало страшно! Мне реально стало страшно. Стоишь там, на балконе, и глядишь в колодец. Три сосенки и детские качели – вот и весь двор, и по всему периметру такие же ужасные безликие дома. Но что поделать? Эти городули покупали бедные наши люди, молодые семьи, которым нужно было съехать поскорей с квартиры или от родителей. Я с перепугу даже как-то раз подумала, а не купить ли мне такую квартиренку, не для жилья, а под сдачу. Лариске позвонила, расспросить, и вдруг она мне говорит:

– Не вздумай даже, не нужна она тебе такая квартирка. Там нет парковки, там будет жопа лет через пять.

Спасибо, Лорик, как я вовремя одумалась. К чему все это накопительство? К чему стяжательство мирских утех? Проходит жизнь, и все вокруг меняется быстрее, чем мы делаем ремонт. Сегодня наши запросы уже не те, что вчера, когда мы были голодными юными дураками, мечтали закупить квартирков, сдавать их и валяться, положить ногу на ногу. Сейчас мы другие. Так поглядишь, подумаешь... Как хорошо сегодня утром было прогуляться в парке! Осеннем, влажном, пахнущем листвой, совершенно пустом в рабочий день. Как приятно мне было шагать по дорожке, и тот случайный прохожий с белой собакой мне улыбнулся такими интересными глазами... Ему, конечно, тоже было хорошо гулять, мечтать, как сейчас домой вернется, лапы сполоснет собаке и выпьет кофейку... И голову не хочется себе с утра пораньше забивать всякой ерундой, сидеть и гуглить цены на недвижимость нет желания вообще, страховка, договор с агентством... Кто-то должен будет потом следить за этой хатой, сдавать ее, платить налоги, коммуналку... Нет, спасибо, вот так вот прогуляешься с утра пораньше, проветришь голову, и получается, что никакая лишняя квартирка в каменном колодце тебе сто лет и не нужна.

Муж, кстати, у Ларисы, несмотря на то что строил мерзкие дома, был вполне приятный мужчина, по нашим диким меркам, конечно. Он выглядел свежо, не то что там какой-нибудь заправшийся чиновник. И все-таки в каждом его жесте, в каждом слове была ужасная

предсказуемость. Я даже удивляюсь, как все эти новые бизнесмены, которых иногда показывают по телевизору, друг на друга похожи. Все одинаковые, как медсестры в регистратуре. Все модные, блестящие, с каким-нибудь выдрипистым шарфом или в каких-нибудь носках с драконами. А эти их штаны! Итальянские джинсы в обтяг... Да на наши русские задницы! И у Ларисы был такой же, облизанный, черненький, немножко совсем на висках заблестело, но пиджачок сидит как влитой, и никакого пуза, по вечерам спортзал. Не знаю я, откуда они только успели появиться в нашем городе, эти блестящие мужчины, между сорокетом и полтосом. Вроде бы рожденные в СССР, они успели нахвататься модных штучек по своим заграничным командировкам. Короче, глазки ему строили все бабы, с которыми он работал. Но бизнесмен Репин в левых связях замечен не был. В отличие от многих других.

Наоборот!.. Он был внимателен к жене, чуть что – заказывал цветы, подарочек, в главный офис строительной фирмы регулярно приезжали курьеры, кто с букетом, кто с пакетом, с разными коробочками, то с большой, то с маленькой, и всем сотрудницам было жутко интересно, что же там такое внутри, в этих бесконечных коробочках. Пытались вынюхать через секретаршу, и та, расписываясь в получении, лениво, утомленно, сморщив нос, отвечала коллегам: «Опять духи», «Опять золото», «Опять книги»... Коробочки она, естественно, не вскрывала, и до обеда весь офис гадал, что же там за духи и что же там за камушки и когда уже все это закончится. Но не кончалось, как по расписанию, уезжая в свои многочисленные командировки, бизнесмен Репин оставлял поручение своей секретарше: «Организуй букетик для Ларисы». И только в последние годы он как-то вдруг переменялся и стал говорить торопливо, припоминая на ходу: «Да... и букет Ларисе Ивановне». Эту мелочь ни он сам, никто другой сначала не заметил, и сама Лариса тоже не заметила, как из Ларисочки она вдруг стала Ларисой Ивановной. Сначала это было просто в шутку, муж ей звонил из дальних поездок и шутил, как в кино: «Ларису Ивановну хочу». А потом... А потом началось, как у всех. Из «Лапочки» она превратилась в «мать». И расстраиваться из-за того, что невозможно изменить, Лариса никогда не собиралась. Жуткая умница!

Терпеть ее, конечно, в наших женских кругах не могли. Сдержанность принимали за надменность, ее финансовое благополучие всех раздражало, казалось приторным и скучным, как сладкий жирный торт. И наши ключики, поглядывая на ее мужа, как водится, ехидничали: «Ах, как вовремя у него появился этот бизнес!.. Ты смотри! Не успел лопнуть наш строительный трест, а у него уже и своя фирма, и все участки в городе получше к рукам прибрал».

Да! Муж Ларискин тусил с нашими продажными шишками. Из-за этого и у нее круг общения сужался, а девочка она меж тем была хорошая. Мы тоже как-то с ней поспешно разошлись, как и со многими, после окончания факультета. И вдруг я встретила ее у нас в театре. В наш камерный она похаживала часто, именно там, в буфете, мы с ней столкнулись. Я было по привычке возбуждена на бармена, он второпях налил мне еле теплый чай, а время поджимало, спектакль вот-вот начнется, я думала, согреюсь чабрецом после холодной улицы.

– Да что ж такое! – я что-то в этом духе начала. – Куда катится этот мир? В любимом театре кипятка не допросишься!

И вдруг Лариса меня узнала и пригласила за свой столик, у нее стоял горячий чайник.

– Давай скорее к нам! Садись, погрейся, успеваем.

Я плеснула немножко коньячку в тот чабрец, и мы душевно разговорились. Она пришла с ребенком в театр, я тоже привела своего старшего сына, который у меня родился еще на факультете, когда Лариса добросовестно готовилась к экзаменам, а я сидела у нее конспекты тех лекций, которые из-за ребенка мне приходилось пропустить. Нам было о чем поболтать. В антракте мы снова встретились и с удовольствием обсуждали современную трактовку Островского.

– Ничего не изменилось! – я что-то в этом духе говорила. – Ты посмотри, текст как сегодня написали!

– А что ты удивляешься? – улыбнулась Лариса. – У нас никогда ничего не изменится. Потому что всех все устраивает.

Ничего нового мы с ней друг другу не сказали, но впечатление оставили приятное. У нас обеих было приподнятое взволнованное настроение, наверное, из-за детей. Нам обоим было важно показать своим сыновьям эти спектакли именно в нашем камерном, который в городе, по сути дела, был единственным нормальным современным театром. Мы, вся моя семья, собирались осенью уехать из России, и Лариса тоже отправляла своего учиться в Англию. Тогда она мне и сказала, что ужасно переживает и не представляет, как будет жить одна.

После отъезда единственного ребенка Лариса приуныла, растерялась, не знала, чем заполнить свой день. По вечерам она висела в Скайпе с сыном, моталась к нему в Лондон каждые три месяца, а это утомительно. Да, да, представьте, для кого-то Лондон мечта, а для кого-то утомительно. И вдруг однажды, когда Лариса собралась уже купить билет, ребенок ей сказал: «Мам... Оставайся лучше дома, у меня экзамены, мне некогда будет тобой заниматься». «Вот и все, – подумала Лариса. – Он там привык, теперь моя миссия выполнена».

– Я понимала, что дети растут, – она говорила без надрыва, спокойно. – Я знала, что наступит такой день, когда я стану сыну не нужна. И это хорошо, отлично! Мальчик стал самостоятельным, так и должно быть. Просто я немножко оказалась к этому не готова. Я не подумала заранее, куда себя девать. Все говорят: «Поживи для себя, поживи для себя»... Я не знаю, как это выглядит, не очень представляю... Теперь придется, наверное, попробовать.

Вот так и появился у нее тот гастроном. Зимой, когда повсюду запахло Новым годом, муж подарил ей этот магазин на день рождения. Внимательный муж у Ларисы был, что про него ни говорите. Он заметил, что жена затосковала без ребенка, и сразу предложил ей как-нибудь отвлечься.

– Лорик, что ты хочешь? Мальдивы? Канары? Машинку новую? А может, что-то необычное?

А Лорик ему и отвечает:

– Купи мне магазин. Хочу свой магазинчик, продуктовый.

Муж рассмеялся. Он думал, что Лариса пошутила. Где Лорик, а где магазин! Театры, Лондон, живопись, стихи... И вдруг какой-то продуктовый магазин. Он пробовал жену отговорить от странной затеи.

– Лара, ты просто давно не была в гастрономах. Ты представляешь себя там вообще? Ты, такая красивая, заходишь в магазин – а на нем висит вывеска «Продукты»! Не «Эрмитаж», Лариса, не «Мавзолей»! Я бы понял еще, если бы ты захотела ресторан или паб, в лондонском стиле, или хотя бы... ну... не знаю, галерею, может, тебе какую-нибудь открыть? Антикварные штучки, картинки... Но не продукты же! Ты что у меня, проголодалась? Поедем, может, поужинаем где-нибудь?

Тут выяснилось, что идею с рестораном Лариса тоже просчитывала и решила оставить ее на потом. Как человек, ничего не понимающий в бизнесе, она предпочла начать с магазина. Это проще, думала Лариса. Она объяснила мужу, мягким своим ровным голосочком, что ее вовсе не интересует обычный магазин «Продукты», он ей, как сами понимаете, не нужен. Лариса захотела сделать самый лучший гастроном. Оказывается, когда-то двести лет назад в своем детстве она попала с мамой в «Елисеевский», тот самый легендарный московский гастроном, и маленькая девочка там просто ахнула.

– Мне понравилось, что все блестит, что все похоже на дворец... Я понимала, что там много вкусного, но в этих деликатесах я тогда не разбиралась, я их просто не видела никогда у нас... А главное – там все красиво и совсем не похоже на наш гастроном, где стояли железные фляги с молоком, и синих кур заворачивали в серую бумагу. А тут вроде бы лето было на улице, мы на каникулах поехали в Москву, но мне показалось, что в этом магазине Новый год. Я больше всего любила Новый год, у меня день рождения там рядом, для меня

это был самый лучший праздник. Мы его всегда очень весело отмечали, много гостей, все с детьми... Буквально до последних лет, пока сын не уехал. Он стал оставаться на тридцать первое в Лондоне, с друзьями. И без него все сразу прекратилось. Мы с мужем, уставшие, приползали к столу, и уже ничего не хочется, все приелось, надоело, и родители начали стареть, засыпают еще до курантов. Но я же помню это детство!.. Наверное, мне просто было жалко потерять это чувство праздника... Поэтому я вспомнила тот «Елисеевский». Мне захотелось, чтобы у меня был вечный Новый год.

«Что ж...» – подумал муж Ларисы, когда она ему примерно то же самое сказала. «Что ж» или «н-да»... Пожалуй, это была слишком восторженная речь рекламного характера, не очень похожая на бизнес-план, однако, фишка удалась. И вскоре длинный первый этаж новой высотки облицевали дорогим зеленым гранитом и отдали Лариске на игрушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.